

А. Ю. Минаков

**ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ**

Уточним сразу, что мы не имеем возможности, в рамках данной статьи, привести и проанализировать все вышедшие в тот или иной период статьи, сборники, монографии, публикации источников, посвященные русскому консерватизму конца XVIII в. и по 1917 г. Кроме того, за пределы нашей темы выходит анализ историографии славянофильства, которому можно было бы посвятить не одну отдельную работу. То же самое можно сказать и о так называемых "либеральных консерваторах" или "консервативных либералах". Мы будем обращать внимание лишь на наиболее существенные, с нашей точки зрения, работы, оказавшие определяющее влияние на формирование исследовательских подходов российских историков 30–40-летнего возраста. В силу вышеприведенных условий, наша статья по необходимости имеет фрагментарный и, пожалуй, даже несколько субъективный характер. Однако следует учесть, что выводы, к которым мы пришли, вытекают из анализа достаточно репрезентативного пласта современной литературы, а это — сотни статей и книг.

Нельзя сказать, что русский консерватизм вовсе не изучался в СССР, но не стоит преувеличивать и степень его изученности. Так, в пореволюционные десятилетия (1920–1930-е гг.) вышли единичные и весьма добротные работы о консерваторах эпохи Священного союза, о русских связях Жозефа де Местра, ряд публикаций о полемике между Н. М. Карамзиным и А. С. Шишковым, о деятельности консервативной "Беседы любителей русского слова", статьи, посвященные К. П. Победоносцеву, Александру III и консервативной корректировке Великих реформ в 1880-е гг., изданы с "разоблачительными" целями дневники, мемуары и переписка К. П. Победоносцева¹. Список этот при желании можно дополнить десятком-другим фамилий авторов и наименований, но не более того. Интересно отметить, что труды, посвященные консерваторам, носили зачастую археографический характер и имели строго академическую форму, в отличие от эмоциональных и субъективных, полупамфлетных произведений на ту же тему, вышедших из-под пера либеральных историков в дореволюционное время², т.е. историография 20–30-х гг. не-

сомненно была качественно более высоким этапом развития исторической мысли, изучающей русский консерватизм, нежели соответствующие дореволюционные работы.

В период советско-германской войны исследования, посвященные консервативной проблематике, перестали выходить, однако рядом историков государственно-патриотической ориентации (Е. В. Тарле, С. К. Бушуев, А. Е. Ефимов и др.) был поставлен вопрос об исторической реабилитации таких видных фигур "консервативного лагеря", как А. А. Аракчеев, М. Н. Катков и К. П. Победоносцев³, что, впрочем, было демонстративно проигнорировано сталинским Агитпропом. В послевоенный период, который современная национал-патриотическая историография связывает с неким "патриотическим ренессансом", инициированным Сталиным, работы, в которых исследовался бы русский консерватизм, также практически не публиковались, что, безусловно, достаточно ярко характеризует "русскость" и "традиционность" подобного "ренессанса".

После длительного перерыва, начиная с 60-х гг. XX в., в Тарту (Эстония) усилиями семиотической школы Ю. М. Лотмана были созданы объемные, интересные и не потерявшие по сей день значимости исследования о ранних русских консерваторах — Н. М. Карамзине, А. С. Шишкове, С. Н. Глинке⁴. Школа Лотмана заложила прочную традицию изучения раннего русского консерватизма в рамках филологии.

Если говорить о работах, вышедших за пределами "лотмановского" Тарту, то некоторые частные аспекты истории раннего русского консерватизма, связанные с противодействием либеральным реформам (взгляды и проекты Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и др.), рассматривались с позиций марксистской методологии в обобщающих работах А. В. Предтеченского и некоторых других советских историков, посвященных царствованию Александра I⁵. С нашей точки зрения, историки-марксисты в основном опирались на ту эмпирическую базу, которая была создана дореволюционной историографией, например, в трудах Н. К. Шильдера и других так называемых "дворянских охранителей", и ограничивались по преимуществу интерпретационными новациями. Познавательная ценность этих работ для изучения русского консерватизма незначительна.

Иначе обстоит дело со школой П. А. Зайончковского. В фундаментальных трудах, посвященных внутренней политике самодержавия в 70–90-х гг. XIX в., впервые, после весьма значительного перерыва, были созданы яркие, хотя и политически тен-

денциозные (с очевидной оглядкой на “марксистско-ленинскую методологию”) исторические портреты таких видных русских консерваторов, как Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, Д. А. Толстой, В. П. Мещерский, исследовано их влияние на формирование того политического курса, который в советской историографии получил название “контрреформ”⁶. Если школа Лотмана реабилитировала изучение раннего русского консерватизма конца XVIII – первой трети XIX в., то позитивистской школой Зайончковского было реабилитировано изучение зрелого русского консерватизма 1870–1890-х гг.

Одна из характерных черт тогдашних исследований, касающихся консервативной проблематики, заключалась в том, что степень научной объективности научной работы снижалась, в силу возрастающей идеологизации исторической науки, по мере хронологического приближения объекта исследования к советскому периоду.

Примерно к началу 70-х гг. XX в. обозначилась тенденция к выделению истории русского консерватизма как самостоятельного направления⁷. До этого те или иные сюжеты, связанные с консервативной проблематикой, рассматривались в рамках более широких тем, прежде всего внутренней политики самодержавия. В конце 70-х гг. появляются первые крупные исследования, посвященные целиком консерваторам XIX в. Наряду с прочими, необходимо выделить новаторский для того времени труд В. А. Твардовской о М. Н. Каткове (в данном случае исследовательница творчески развила одну из тем своего учителя – П. А. Зайончковского)⁸, который по богатству фактического материала до сих пор не превзойден в современном “каткововедении”. Монография Твардовской дала мощный импульс научному сообществу в изучении русского консерватизма, сформировала к этой тематике стойкий и непреходящий интерес. В 70–80-е гг. появились монографии о славянофилах, статьи об идеологии “официальной народности”, о Н. Я. Данилевском, К. Н. Леонтьеве, В. В. Розанове и др.⁹ Впрочем, такого рода работы продолжали оставаться исключением.

Если попытаться в целом оценить степень исследовательского интереса к русскому консерватизму, то он был крайне невелик и явно уступал по количественным характеристикам исследованиям, посвященным другим направлениям русской общественной мысли последней трети XVIII – начала XX в., например, марксизму, народничеству и либерализму. Работ по консерватизму, в лучшем случае, насчитывалось десятки, что же касается

других идейных направлений, в особенности революционных, то здесь счет шел на тысячи, если не на десятки тысяч наименований. Причина этого была очевидна: объективная общественная потребность в том, чтобы преодолеть российское "красное смещение в политическом спектре" (Д. Галковский), возникшее в XIX в. и абсолютно доминировавшее в XX в., не могла реализоваться в условиях абсолютной монополии государственной идеологии, имеющей мощную антитрадиционалистскую и антиконсервативную родословную.

Ситуация существенно изменилась после начала горбачевской "гласности". В конце 80-х гг. стала стремительно реализовываться естественная потребность научного сообщества в преодолении возникшей диспропорции в изучении общественно-политической мысли.

Работа историков сосредоточилась прежде всего на изучении эмпирической базы русского консерватизма: в потоке статей и монографий и поныне явно преобладают труды, посвященные конкретным персоналиям, ключевым фигурам русского консерватизма. Можно даже говорить о некоей позитивистской "заикленности" историков на конкретных фигурах, носителях консервативной идеологии и практиках этого течения. Если задаться целью обобщить эти работы ради создания относительно целостной картины истории русского консерватизма, то надо признать, что такая цель вполне достижима, поскольку через персоналии отчетливо просматриваются контуры феномена русского консерватизма, на всем историческом пути его развития. Разумеется, все эти работы неоднородны по своим академическим достоинствам, степени проработанности источников и знанию историографии проблемы, авторы их исповедуют различные политические взгляды, и соответственно они написаны в совершенно разных дискурсах — от крайне правого до либерально-консервативного и объективистского, но общая картина эволюции русского консерватизма — от М. М. Щербатова до правомонархистов начала XX в. — в них с фактологической стороны воссоздана¹⁰. Обращение к подобной практике было закономерным этапом научной практики: российским историкам необходимо было прежде всего накопить значительный фактический материал, прежде чем приступать к теоретическим обобщениям и методологическим поискам. Можно констатировать, что наступил момент, когда во множестве созданные "исторические портреты" явно нуждаются в выходе на более высокий, "панорамный", уровень обобщений. Тем не менее есть причины, по которым

это происходит пока явно в недостаточной степени. Одна из них — боязнь четких и недвусмысленных политических оценок, нежелание впасть в идеологическое менторство и догматизм былых десятилетий, заставляющее избегать широких научных обобщений. Кроме того, формальный отказ от марксистско-ленинской методологии отнюдь не сопровождается автоматическим усвоением новых исследовательских подходов и методов. В этих условиях позитивизм неизбежно становится преобладающим методом научного исследования ("факты являются гораздо более важными, чем их интерпретация"¹¹). А такого рода установка неизбежно приводит к преобладанию жанра исторического портрета, нарратива с минимумом аналитических выкладок. У этого подхода есть свои плюсы, в частности, он приводит к резкому расширению фактической базы исследований.

С начала "гласности" и по настоящее время были изданы принципиально важные для изучения русского консерватизма и национализма работы западных авторов: А. Валицкого, Е. Шацкого, К. Манхейма, Р. Уортмана, К. Гирца и др.¹² Были переведены и работы основоположников европейского консерватизма и ряда авторов, традиционно относимых к консервативному течению — Бёрка, де Местра, Токвиля и др.¹³ Следовательно, в методологическом плане возникло влияние западной исторической мысли, хотя степень ее воздействия не стоит преувеличивать. В частности, в постсоветской историографии было усвоено манхеймовское разграничение между традиционализмом и консерватизмом, понимание консерватизма как реакции на Просвещение и Великую французскую революцию; подавляющее большинство историков приняли подходы С. Хантингтона к идентификации консерватизма (автономный, ситуационный и аристократический).

В наименьшей степени оказались разработаны вопросы историографии, источниковедения и историографии русского консерватизма. Тем не менее и здесь есть сдвиги, в частности, можно указать работы А. В. Репникова и И. Л. Беленького¹⁴.

В результате активной исследовательской деятельности возрос интерес к проблемам методологического характера. В 1993–2001 гг. рядом журналов были проведены дискуссии и "круглые столы", отразившие резко усилившийся интерес к консервативной проблематике различных "фракций" гуманитариев — историков, философов, социологов, политологов и т.д. Они были посвящены главным образом проблеме дефиниции консерватизма как целостного явления, причинам его возникновения, описа-

нию ценностей, отличающих консервативную идеологию от либерализма и радикализма, уточнению специфики русского консерватизма, делались и попытки типологизирования отдельных направлений консерватизма¹⁵. В ходе дискуссий обрисовались две полярные точки зрения на русский консерватизм: первая, преобладающая: русский консерватизм — это “естественная реакция на разрушительные социально-политические последствия буржуазно-индивидуалистической эволюции и европеизации России”. Консерватизм в этой трактовке предстает как исключительно позитивное явление, “в духе традиционализма и здорового национализма” (В. Н. Абрамов)¹⁶. Вторая точка зрения акцентирует внимание прежде всего на негативных особенностях русского консерватизма. К ним относят прежде всего “правовой нигилизм, принцип ограничения личных прав граждан, свободы слова и свободы совести в интересах государства, близость некоторых принципиальных антидемократических установок с марксистскими, идеологическую общность с правыми радикалами, агрессивный национализм” (Б. М. Витенберг)¹⁷. Впрочем, вторая точка зрения в условиях своеобразной моды на консерватизм ныне распространена в гораздо меньшей степени, чем первая. Отметим одну характерную особенность этих дискуссий: тон на них задают философы и политологи. Именно они формулируют их тематику и проблемные узлы, им принадлежит большая доля выступлений и т.д. При этом они часто имеют слабое представление о конкретных взглядах и политической практике русских консерваторов. Историки же, как правило, воспринимают эти дискуссии как чрезмерно абстрактные, имеющие лишь косвенное отношение к изучаемому им фактическому материалу. “Взаимопроникновения” различных гуманитарных дисциплин пока, с нашей точки зрения, не наблюдается.

Невзирая на явное доминирование исследований, сосредоточенных на изучении “фактологии” консерватизма, неуклонно растет число исследований, посвященных теоретическим проблемам. Среди них выделяются работы П. Ю. Рахшмира, В. А. Гусева, М. Ю. Чернавского, В. Э. Багдасаряна, С. М. Сергеева, А. Н. Боханова¹⁸. До недавнего времени в этой сфере безусловно лидировал пермский центр под руководством П. Ю. Рахшмира, специализирующийся прежде всего на изучении западноевропейского и американского консерватизма. Однако в коллективных работах, вышедших в Воронеже и Самаре в последние годы, также появились разделы, посвященные теоретическим вопросам изучения русского и западного консерватизма, в кото-

рых рассматривались, к примеру, проблемы персоналистической коммуникации традиции, специфики либерального и консервативного национализма и др.¹⁹

Следует отметить одно немаловажное обстоятельство — подавляющее большинство российских исследователей консерватизма пока предпочитают заниматься анализом “зрелого консерватизма” конца XIX — начала XX в. Исследований же сюжетов в более ранние периоды, например в царствования Александра I и Николая I, оказалось гораздо меньше. Еще одна деталь: большинство историков, занимающихся александровским и николаевским периодами, сформировались в русле чисто академических интересов, под влиянием работ Ю. М. Лотмана и некоторых современных американских русистов. Для них обращение к персоналиям Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки или С. С. Уварова обусловлено прежде всего стремлением полнее и точнее решить проблему зарождения, становления и генезиса русского консерватизма. Здесь почти не обнаруживается правый дискурс, с его претензиями на “идейное руководство современным русским обществом”, достаточно характерный для многих исследований истории “зрелого консерватизма”.

К числу наиболее оригинальных и интересных изданий последних лет, посвященных в той или иной степени русскому консерватизму, после того как в академической науке окончательно сложилось и стало интенсивно развиваться соответствующее направление, относится несколько работ. Остановимся на них подробнее.

В 1997 г. по инициативе А. Н. Боханова, автора книг, посвященных биографиям последних русских царей, представляющих парадоксальный синтез академического стиля и православно-монархического дискурса, вышел сборник “Российский консерватизм”, изданный под грифом Института российской истории РАН²⁰, что само по себе было событием беспрецедентным. В сборнике содержались исторические портреты ряда видных русских консерваторов — от А. А. Аракчеева до В. К. Плеве. Сборник, несомненно, стал этапной вехой в современной историографии русского консерватизма и способствовал обострению внимания исследователей к соответствующей проблематике. Впервые некоторые основные деятели русского консерватизма, по преимуществу его практики, были обрисованы достаточно полно, ярко и объективно, невзирая на известную апологетическую тенденцию, которая прослеживалась в редакторском предисловии. В нем консерваторы изображались как “люди, объеди-

ненные лишь одной идеей, одним высшим стремлением: сохранить историческое Русское государство", все они были "людьми Веры, Традиции и Порядка"²¹. Впрочем, большинство статей сборника было свободно от апологетики, что отмечал и сам его составитель: "...авторы ... придерживаются несхожих взглядов, что всё ещё так редко встречается в современных коллективных работах. В этой полифоничности, противоречивости оценок и умозаключений отпечаток нашего времени — неопределенного и переходного, отражение эпохи и людей её"²².

В 1999 г. вышло сразу несколько монографий, призванных выйти за рамки исторического портрета и решить достаточно крупную научную проблему: С. Н. Пушкина об историософии русского консерватизма XIX в. (в ней анализируются соответствующие взгляды славянофилов, Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева), А. С. Карцева о правовой идеологии русского консерватизма и А. В. Репникова о консервативной концепции русской государственности, то есть самодержавной модели государственности (речь идет об анализе соответствующих взглядов Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева и Л. А. Тихомирова). Таким образом, на рубеже тысячелетий в отечественной историографии консерватизма наметилась устойчивая тенденция к обобщению накопившегося обширного эмпирического материала.

Безусловно, самым крупным и обращающим на себя внимание изданием последних лет стала коллективная монография "Русский консерватизм XIX столетия", вышедшая на грант РГНФ также под грифом ИРИ РАН²³. Резонанс от этой работы в научных кругах оказался еще более сильным, нежели от бохановского сборника 1997 г. Главные достоинства и недостатки этой работы мы имели возможность оценить совместно с М. Д. Долбиловым в рецензии, помещенной в журнале "Вопросы истории"²⁴. Ее недостатки оказались объективно обусловленными состоянием российской исторической науки в сфере изучения консерватизма. К примеру, историографический обзор, традиционный для работ такого рода, оказался чрезмерно кратким и содержащим минимальные обобщения, ибо в целом историография русского консерватизма до сих пор не разработана. Имевшиеся к моменту создания книги методологические опыты практически остались "за бортом". Консерватизм интерпретировался зачастую авторами, в сущности, с позиций классового подхода, почти исключительно как идеологическое выражение крепостнических и дворянских настроений. Целый ряд немаловажных сю-

жетов и проблем выпал из поля зрения исследователей. Безусловно, в монографии содержалось и немало ценных моментов, его относительная полнота и стремление к объективному рассмотрению истории русского консерватизма в то время были беспрецедентны в академических изданиях и несомненно правы те, кто констатирует, что "серьезная попытка рассмотреть консерватизм как не-зло состоялась", а также, что "она [монография] открыла крупное исследовательское направление"²⁵.

За последние годы вышло несколько книг, которые свидетельствуют о том, что изучение русского консерватизма явно вышло за пределы позитивистской стадии развития. Книги эти не всегда специально посвящены консерватизму как таковому, но тесно связаны по своему сюжету с соответствующей проблематикой. Уровень новизны и обобщений, а также хронологический обхват в них таковы, что это позволяет заявить о том, что они положили начало форменному "прорыву" в изучении русского консерватизма. Это — исследования А. Л. Зорина, Е. А. Вишленковой, М. М. Шевченко, И. А. Христофорова и Ю. И. Кирьянова²⁶. Так, в исследовании А. Зорина "Кормя двуглавого орла..." содержится исключительно оригинальный анализ идеологических моделей, выдвигавшихся в качестве государственной идеологии Российской империи в екатерининское, александровское и николаевское царствования: "греческий проект" Екатерины-Потемкина, идеологию складывающегося русского консерватизма и национализма в версии Шишкова и Ростопчина, доктрину "православие—самодержавие—народность" С. С. Уварова. При этом автор опирался на традиции семиотического анализа и метод К. Гирца, интерпретирующий идеологию как систему метафор. Соответственно автору удалось в яркой и оригинальной манере ввести в оборот такой своеобразный источник, как оды, трагедии, исторические романы конца XVIII — первой половины XIX в. Определенным недостатком книги является то, что автор, выдвигая оригинальные гипотезы, зачастую выдает их за бесспорные выводы. Так или иначе, Зорин и коллектив журнала "Новое литературное обозрение" ("НЛО"), ведущим сотрудником которого он является, несомненно представляют собой несколько трансформированную и приспособленную к современным условиям школу Лотмана, а авторы журнала являются ее реальными продолжателями.

Книга Е. А. Вишленковой "Заботясь о душах подданных" посвящена уникальному явлению русской и мировой истории того времени — религиозной политике Александра I, представ-

лявшей собой глобальный экуменический эксперимент, направленный на создание в империи духовно единой общности, идейно единого государства. Автор реконструирует культурный контекст, внутри- и внешнеполитические обстоятельства, в которых принимались правительственные решения, регулирующие религиозную жизнь империи. Главный интерес для историков русского консерватизма представляет блестящий анализ в книге различных его разновидностей: от православно-монархического до масонского и космополитического, в духе позднего Священного Союза. В методологическом плане Вишленкова скорее ближе к лотмановской традиции, заявляя, что ее исследование представляет не что иное, как попытку "объединить ... тексты [в данном случае — источники] в единый "Большой нарратив" и подвергнуть его анализу с точки зрения доминирующих в нем тем и дискурсов, лингвистических особенностей, а также с позиции меняющихся политических условий историографического процесса"²⁷.

В монографии М. М. Шевченко "Конец одного величия" (равно как и в целой серии статей, посвященных С. С. Уварову), наряду с рельефно выписанными портретами Николая I и С. С. Уварова, речь идет о влиянии идеологии официальной народности на ключевые направления внутренней политики в царствование Николая I: университетскую политику, народное образование, цензуру и печать. Метаморфозы официальной правительственной идеологии, ее перевоплощения на различных этапах николаевского царствования показаны подробно и многопланово. Заметим, что автор работает в рамках школы П. А. Зайончковского, с ее подчеркнутой позитивистской установкой: "первичны факты, интерпретация вторична".

К той же школе принадлежит и И. А. Христофоров, автор монографии "Аристократическая" оппозиция Великим реформам", в которой на основе широкого круга малоизвестных, главным образом архивных источников рассматриваются состав, деятельность, идеологическая ориентация и программа одной из наиболее влиятельных политических группировок пореформенной России. Анализ взглядов "аристократов" как консерваторов приводит автора к выводу о том, что они серьезно отличались от большинства русских традиционалистов и отнюдь не отвергали *a priori* западные ценности и европейский путь развития, будучи противниками крестьянской общины и сторонниками бюрократизации власти и введения дворянского общероссийского представительства. Это позволяет существенно углубить представ-

ления о природе и особенностях русского консерватизма пореформенного периода.

Фундаментальное исследование Ю. И. Кирьянова "Правые партии в России. 1911–1917" явилось результатом многолетней кропотливой работы автора над данной тематикой. Монография посвящена истории правомонархических, правоконсервативных (автор принципиально не использовал термин "черносотенцы") партий накануне и в годы Первой мировой войны. В книге содержится детальная историография проблемы, анализируются численность и состав правых партий, партийные съезды, текущая работа правых партий, их представления о государственном и социально-экономическом устройстве и развитии страны.

Каждое из этих исследований заслуживает отдельной большой рецензии, поэтому ограничимся общей высокой их оценкой, высказав попутно убеждение в том, что они станут в какой-то мере "опорными" для всех последующих исследований, посвященных русскому традиционализму и консерватизму. Хронологически они охватывают все основные вехи становления и развития русского консерватизма, начиная с конца XVIII в. и заканчивая началом XX в. Отметим, что, за исключением недавно скончавшегося Ю. И. Кирьянова, все упомянутые авторы являются относительно молодыми людьми, работающими в объективистской манере, свободной от крайностей как "почвеннического", так и либерально-консервативного дискурса (сформировавшегося в лоне современного западного направления под воздействием изучения преимущественно англосаксонского варианта неоконсерватизма, при одновременном принципиальном отказе от учета специфики русского консерватизма), в условиях современного российского методологического полифонизма. Наиболее значимые работы последних лет созданы в традициях либо школы Лотмана, либо школы Зайончковского. Как видим, историографические традиции, возникшие в 60–70-е гг., оказались чрезвычайно устойчивыми и творческими, доказавшими и в современных условиях свою жизнеспособность.

Таким образом, в предельно короткий срок произошло становление и развитие быстро развивающегося научного направления. Появились сотни статей, сборников и монографий, в той или иной степени посвященных истории русского консерватизма, было осуществлено большое количество переизданий работ русских консерваторов (в то же время было опубликовано относительно мало новых источников). Кроме того, в научном сообществе произошел отказ от марксистской парадигмы, пришли

новые поколения исследователей в возрасте 20–40 лет. Происходит медленная инфильтрация достижений западной историографии.

Основные направления будущей исследовательской деятельности очевидны — это в первую очередь выявление и дальнейшие публикации работ русских консерваторов, новые теоретические разработки, изучение новых персоналий. Если говорить о новых темах, которые в ближайшие годы будут разрабатываться исследователями, то к ним можно отнести причины формирования русского консерватизма, его связь с западноевропейским консерватизмом, его специфичность в сравнении с последним, его течения (церковный, православно-самодержавный, националистический, масонский, "католический", бюрократический и т.д.), религиозно-богословские построения русских консерваторов, их решение проблемы государственного устройства, историософские воззрения (отношение к Западу и наследию Петра I), экономические взгляды, национальный вопрос в консервативной интерпретации, юридические воззрения русских консерваторов, их влияние на русскую литературу и искусство, педагогические представления, критика либерализма и революционных идеологий.

Главной задачей ближайших 5–10 лет, конечно, является создание обобщающих исследований о консерватизме и консерваторах царствования Александра I, Николая I (идеологах "официальной народности", славянофилах), "почвенниках", консерваторах 1880–1890-х, правоконсерваторах — "черносотенцах" начала XX в. Все необходимые условия для этого налицо. Можно прогнозировать появление обобщающей "Энциклопедии русского консерватизма". Впрочем, одним из главнейших условий нормального развития данного научного направления, с нашей точки зрения, является дистанцирование исследователей от своего предмета, отказ от вольной или невольной апологетики русских консерваторов, нарастание научного критицизма, что предполагает сознательный акцент на изучении в том числе и негативных сторон русского консерватизма.

Представляется, что в этих условиях наиболее продуктивным будет развитие историографии, опирающейся как на традиционный позитивистский подход, предполагающий не только использование источников, но и критический подход к ним, точное освещение установленных фактов на основе сравнительно-исторического анализа материалов, стремление обращаться к источникам без предвзятых теорий, признание влияния экономичес-

кого фактора и социальных процессов на ход истории, попытке найти закономерности в историческом процессе и стремление к обобщениям²⁸, так и на традиции семиотического анализа, использующие наработки Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Р. Уортмана, К. Гирца. В любом случае такой подход стимулирует в ближайшей перспективе создание связной, полной и целостной истории русского консерватизма, свободной от наследия "марксистско-ленинской" методологии и романтического конструирования "творческой консервативной традиции".

¹ См.: Шебунин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925; Степанов М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30; Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 // Об. (Публ. Б-ки им. В. И. Ленина). М., 1928. № 2. Его же. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. 1938. Т. 2. К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки с предисл. М. Н. Покровского. Т. 1. *Novum regnum*. Полутом 1 (1878–1883). М.; Пг., 1923; Письма К. П. Победоносцева к гр. Н. П. Игнатьеву // Былое. 1924. № 27–28; Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1; Богданович А. В. Три последних самодержца: Дневник. М.; Л., 1924; Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Дневник. 1855–1882. М., 1929. Вып. 2; Феоктистов Е. М. Воспоминания: За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929; Десницкий В. Из истории литературных обществ начала XIX в.: Журналы "Беседы любителей русского слова" // На литературные темы. Л., 1936. Кн. 2; Западов А. В. Из истории "Беседы любителей русского слова" // Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. I.

² Как на достаточно типичную работу такого рода, сошлемся на статью: Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. 2.

³ См.: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 252–253.

⁴ См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358; Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Там же. 1961. Вып. 104; Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. Все основные работы о Н. М. Карамзине Лотмана опубликованы в книге: Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997; Киселева Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Там же. 1981. Вып. 513. Работы М. Г. Альтшуллера, близкого по исследовательским подходам и тематике к "тартуской школе", посвященные А. С. Шишкову и шишковистам, вышли уже в эмиграции: Альтшуллер М. Г., Калиф Ирвин. "Рассуждение о старом и новом слоге российского языка" как политический документ (А. С. Шишков и Н. М. Карамзин) // A. D. Cross (ed.). *Russia and the West in the nineteenth century*. 1983. *Oriental Research Papers*. Newtonville, Mass., 1983; Его же. Предтечи славянофильства в рус-

ской литературе: (Общество "Беседа любителей русского слова"). Ann Arbor, 1984.

⁵ См.: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.

⁶ См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; Его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970.

⁷ Об этом свидетельствовал выход таких работ, как: Эвенчик С. Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Учен. зап. МГПИ. 1969. № 309; Ананьич Б. В., Ганелин Ш. Р. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания "охранителей" в 1881–1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971; Они же. И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — корреспонденты "Московских ведомостей" // Проблемы общественной мысли и экономической политики России XIX–XX веков. Л., 1972.

⁸ См.: Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

⁹ См.: Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // Вопросы философии. 1969. № 8; Гайденко П. П. Наперекор историческому прогрессу: (К. Леонтьев — литературный критик) // Вопросы литературы. 1974. № 5; Авдеева Л. Р. Проблема "Россия и Европа" в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1982. № 3; Гальцева Р. П., Роднянская И. Б. Раскол в консерваторах. Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев в споре об общественном идеале // Неоконсерватизм в странах Запада: Социально-культурные и философские аспекты. М., 1982. Ч. 2; Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественной политической мысли XIX в. М., 1986; Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст: Литературно-теоретические исследования. М., Наука, 1989.

¹⁰ Приведем наиболее значимые, с нашей точки зрения, работы: Китаев В. А. У истоков русского консерватизма: (М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин) // Материалы II научной конференции профессорско-преподавательского состава / Волгоградск. гос. ун-т. Волгоград, 1994; Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб., 1994; Серман И. Державин в новом веке // Новое литературное обозрение. 1997. № 27; Лямина Е. Э. Архаисты и новаторы // Там же; Боленко К. Г., Лямина Е. Э. А. С. Шишков и "Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего": (На пути к "Беседе любителей русского слова" и Российской академии) // Россия и реформы: Сб. ст. / МГУ им. М. В. Ломоносова, ист. факультет; Сост. М. А. Колеров. М., 1995. Вып. 3; Альтшуллер М. Г. А. С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1; Алтунян А. Власть и общество: Спор литератора и министра // Вопросы литературы. 1993. Вып. 1; Прокофьев А. В. А. С. Шишков: Языковая утопия российского традиционализма и ее истоки // Альманах "Философский век". СПб., 1998. Вып. 5; Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: "Онемечивание" Кампе и "корнесловие" Шишкова // Философский век: Альманах. СПб., 1998. Вып. 12. Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу; Файнштейн М. Ш. "И славу Франции в России превзойти...": Российская Академия (1783–1841) и раз-

витие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002; Минаков А. Ю. "Рас- суждение о старом и новом слоге российского языка" А. С. Шишкова как манифест русского консерватизма // Эволюция консерватизма: Европейская традиция и русский опыт. Самара, 2002; Тартаковский А. Г. Обманутый Герострат: Ростопчин и пожар Москвы // Родина. 1992. № 6–7; Горноста- ев М. В. Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин: Страницы истории 1812 года. М., 2003; Володина Т. А. "Русская история" С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4; Лотман Ю. М. "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях" Карамзина – памятник русской публицисти- ки начала XIX века // Литературная учеба. 1988. № 4; Его же. Карамзин. СПб., 1997; Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. История государства Рос- сийского: В 12 т. Т. 1. М., 1989; Ермашов Д. В., Ширинянц А. А. У исто- ков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. М., 1999; Пивова- ров Ю. С. Карамзин и начало русского Просвещения // Социум. 1993. № 26–27; Китаев В. А. У истоков русского консерватизма: (М. М. Щер- батов и Н. М. Карамзин) // Материалы II науч. конф. профессорско- преподавательского состава. Волгоград, 1994; Сафонов М. М. Константинов- ский рубль и "немецкая партия" // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996; Лямина Е. Новая Ев- ропа: Мнения "деятельного очевидца": А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Россия. Russia. Культурные практики в идеологической перс- пективе. Россия, XVIII – начало XX века. М.; Венеция, 1999; Кондаков Е. Ю. Личность и государственная деятельность князя А. Н. Голицына // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. СПб., 1997; Etkind Alexandr. "Уми- рающий Сфинкс": Круг Голицына–Лабзина и петербургский период русской мистической традиции // Studia Slavica finlandensia. 1996; Минаков А. Ю. Консервативный проект М. Л. Магницкого: Страница истории идейных по- исков русской православной оппозиции в 20-е гг. XIX в. // Вестник Во- ронежск. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманитарные науки. 2000. № 1; Его же. М. Л. Магницкий и его роль в борьбе "православной оппозиции" с Биб- лейским обществом // Церковь и ее деятели в истории России: Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 2001, Вып. 2; Его же. М. Л. Магницкий: К вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных кон- серваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: Прошлое и насто- ящее: Сб. науч. трудов. Воронеж, 2001; Его же. "Назвал я здешний край турецкою провинциею": Деятельность М. Л. Магницкого на посту воронеж- ского вице-губернатора // Исторические записки: Науч. труды ист. фак. ВГУ. Воронеж, 2003. Вып. 9; Виштенкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань, 2003; Азизова Е. Н. Массонские связи и воззрения Д. П. Рунича: (Из истории "консервативной партии" в русском масонстве) // Новик: Сб. науч. работ аспирантов и студентов ист. фак. ВГУ. Воронеж, 2002. Вып. 6; Ее же. "Дурак, хвастун, пустомеля", одаренный "горячей душой": Государствен- ная и общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича // Там же. Воронеж, 2003. Вып. 8; Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000; Ячмениткин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. 1991. № 12; Его же. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы: Сб. М., 1997; Федоров В. А. М. М. Сперан-

ский и А. А. Аракчеев. М., 1997; Томсинов В. А. Временщик: (А. А. Аракчеев). М., 1996 [более полное издание этой книги вышло в серии "Жизнь замечательных людей" — Аракчеев. М., 2003]; Зорин А. Л. Идеология православия-самодержавия-народности и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996; Петров Ф. А. Российские университеты первой половины XIX века: Формирование системы университетского образования: В 4 кн. Кн. 1. Зарождение системы университетского образования в России. М., 1998; Кн. 2. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 1998–1999. Ч. 1–3; Кн. 3. Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2000; Кн. 4. Российские университеты и люди 1840-х гг.: (Профессура и студенчество). Ч. 1. Профессура. М., 2001; Шевченко М. М. Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997; Его же. Правительство императора Николая I и политика С. С. Уварова // П. А. Зайончковский (1904–1983): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998; Его же. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003; Умбрашко М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999; Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003; Тарасов Б. Н. Чаадаев. М., 1990; Его же. Пушкин как мыслитель // Вестник РГНФ. 1999. № 1; два сборника статей русских религиозных философов и деятелей православной церкви, посвященных Пушкину: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990; А. С. Пушкин: Путь к православию. М., 1996; Рудницкая Е. Л. Поиск пути: Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999; Марголис Ю. Д. Книга Н. В. Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями": Основные вехи истории восприятия. СПб., 1998; Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000; Его же. Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Вестник РГНФ. 2001. № 1; Алтушнян А. Г. "Политические мнения" Фаддея Булгарина: Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I. М., 1998; Булгарин и III отделение // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998; Яковлев А. И. Святитель Филарет в церковной и общественной жизни России XIX века // Святитель Филарет (Дроздов): Избр. труды, письма, воспоминания. М., 2003; Аринин А. М., Михеев В. А. Самобытные идеи Н. Я. Данилевского. М., 1996; Балувев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга "Россия и Европа". Тверь, 2001; Бажов С. И. Философия истории Н. Я. Данилевского. М., 1997; Султанов К. В. Социальная философия Н. Я. Данилевского: Конфликт интерпретаций. СПб., 2001; Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX века. М., 1992; Ильин Н. П. Понять Россию: (Н. Н. Страхов) // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003; Богданов А. В. Почвенничество: Политическая философия А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова. М., 2001; Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев. М., 2000; Белов А. В. Культура глазами философов-оригиналистов. Ростов н/Д, 2002; Попов А. А. М. Н. Катков: К вопросу о его социально-политических взглядах // Социально-политический журнал. 1992. № 9; Итенберг Б. С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX: Очерки. М., 1999; Хевролина В. М. Власть

и общество: Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999; Минаев А. И. К вопросу об оценке М. Н. Катковым британского парламентаризма XIX века // Научные труды МПГУ. Сер. Социально-исторические науки: Сб. ст. М., 2000; Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа: Политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863 гг. как объект историко-антропологического анализа // *ACTIO NOVA*. 2000: (Сб. науч. ст.). М., 2000; Его же. Консервативное реформаторство М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае // Консерватизм в России и мире: Прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1; Его же. М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: Проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история. 2002. № 6; Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб., 2000; Степанов В. Л. Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. М., 1997; Сивак А. Ф. Константин Леонтьев. Л., 1991; Корольков А. А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; Долгов К. М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 1997; Косик В. И. Константин Леонтьев: Размышления на славянскую тему. М., 1997; Репников А. В. "Эстетический аморализм" в произведениях К. Н. Леонтьева. М., 1999; Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Шириняц А. А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К. Н. Леонтьев. М., 2000; Володихин Д. М. "Высокомерный странник": Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000; Ильин Н. "Душа всего дороже...": (О жизни и творчестве П. Е. Астафьева. 1846–1893) // Русское самосознание. 1994. № 1; Прасолов М. А. Петр Евгеньевич Астафьев: "Росток русско-православной культуры" // Воронежская беседа. 1995; Гаврюшин Н. К. Забытый русский мыслитель: К 150-летию со дня рождения П. Е. Астафьева // Вопросы философии. 1996. № 12; Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев. Генерал и публицист. Волгоград, 1998; Милевский О. А. Лев Тихомиров: Две стороны одной жизни. Барнаул, 2004; Черникова Н. В. Князь Владимир Петрович Мещерский: (К портрету русского консерватора) // Отечественная история. 2001. № 4; Дронов И. Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10; Динерштейн Е. А. А. С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М., 1998; Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: Мысли о России. М., 1997; Симонова М. С. Вячеслав Константинович Плеве // Российские консерваторы. М., 1997; Бачилин А. Н. "Евангелие от Сергия": Земско-самодержавный проект устройства России // Россия в новое время: Выбор пути исторического развития. М., 1994; Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа 1907–1914. Пермь, 1914; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001; Его же. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. Подробную историографию правомонархического движения см.: Кирьянов Ю. И. Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905–1917 гг. // Правые партии. 1905–1917: Документы и материалы: В 2 т. М., 1998. Т. 2. 1911–1917 гг.; Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001.

¹¹ Галковский Д. Е. Магнит. Псков, 2004. С. 388.

¹² См.: Славянофильство и западничество: Консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого: Реф. сб. М., 1991. Вып. 1; Шац-

кий Е. Утопия и традиция. М., 1990; Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994; Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002; Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий нации и капитализма. М., 2004; Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

¹³ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993; Его же. Правление, политика и общество. М., 2001; Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997; Его же. Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998; Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.

¹⁴ Репников А. В. Русский консерватизм: Вчера, сегодня, завтра // Консерватизм в России и мире: Прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1; Его же. Современная историография российского консерватизма // Консерватизм и традиционализм на юге России. Рочтов н/Д, 2002. Достаточно полный перечень литературы соответствующего периода, посвященной в той или иной степени русскому консерватизму и консерваторам см. в уникальном по информативной насыщенности справочнике: Беленький И. Л. Консерватизм в России XVIII — начала XX в.: (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) // Россия и современный мир. 2001. № 4 (33); 2002. № 1 (34); № 2 (35); № 3 (36); № 4 (37); 2003. № 2 (39); № 3 (40).

¹⁵ См.: Консерватизм в России: Круглый стол // Социологические исследования. 1993. № 1; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития: Материалы круглого стола // Политические исследования. 1995. № 4; Русский консерватизм: Проблемы, подходы, мнения: "Круглый стол" / Материал подготовил И. А. Христофоров // Отечественная история. 2001. № 3.

¹⁶ См.: Консерватизм в России: ("Круглый стол") // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 49.

¹⁷ Виттенберг Б. М. Консерватизм в России: Прошлое и будущее: (Обзор книг о русском консерватизме) // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 353.

¹⁸ Гусев В. А. Консервативные идеологии // Социологические исследования. 1994. № 11; Его же. Русский консерватизм: Основные направления и этапы развития. Тверь, 2001; Рахмимир П. Ю. Три консервативные традиции: Общее и особенное // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях. Пермь, 1995; Его же. Эволюция консервативного реформизма // Исследования по консерватизму. Вып. 4. Реформы: Политические, социально-экономические и право: Материалы междунар. науч. конф. Пермь, 1997; Чернавский М. Ю. О сущности русского консерватизма // Истоки российской духовной культуры. Ставрополь, 1997; Его же. Два подхода к определению консерватизма // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов н/Д, 2002; Багдасарян В. Э. "Теория заговора" в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М., 1999; А. Боханов. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002; Сергеев С. М. "Творческий традиционализм" как направление русской общественной мысли 1880–1890-х годов: (К вопросу о терминологии) // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003.

¹⁹ См.: Консерватизм в России и мире: Прошлое и настоящее. Воро-

неж, 2001. Вып. 1; Эволюция консерватизма: Европейская традиция и русский опыт. Самара, 2002; Российская империя: Стратегии стабилизации и опыты обновления / Под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова. Воронеж, 2004; Консерватизм в России и мире: В 3 ч. / Отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж, 2004.

²⁰ См.: Российские консерваторы. М., 1997.

²¹ Там же. С. 15.

²² Там же. С. 16.

²³ Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000.

²⁴ См.: Долбилов М. Д., Минаков А. Ю. В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шаццло, Р. Г. Эймонтова: Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 161–165.

²⁵ Володихин Д. М. Без гнева и пристрастия о российских консерваторах // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003.

²⁶ Зорин А. Кормя двуглавого орла....: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001; Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002; Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003; Христофоров И. А. "Аристократическая" оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001; Его же. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003.

²⁷ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 9.

²⁸ См.: Лаптева Л. П. Развитие русской исторической мысли в XIX веке в области славяноведения // Вестник МГУ. Сер. История. 1983. № 1.